

Сов. Россия. - 1989. - 25 янв.

Встречи в алтайском селе Сростки

Мать Шукшина

У НАС в семье было двенадцать детей. Я седьмая, — помню рассказ Марии Сергеевны. — Что делала ребенком, где когда-то с подружками играла — все хорошо помню. Еще помню, стоял в соседней деревне Верх-Талице Колчак. А у нас были красные. Сидим мы как-то все на полатах, а внизу красный командир оружие разбирает...

В семнадцать лет повзрослелся Макарь, рослый, развитый парень. И родители были не прочь поженить нас. В восемнадцать родила Василия. В двадцать — Наташу. И начала работать в колхозе, где потяжелее, чтобы заработать побольше. И так я всю жизнь пластася, чтобы только довести детей своих до ума. Меня за это иногда сестры осуждали. А я каждый день хотела скорее к детям прийти, рассказать им что-нибудь доброе, хорошее. Еще когда Вася маленький был, то дед его, Сергей Федорович, бывало, говорил мне: «Береги детей, Мария, а особенно Васю. Он у тебя шибко ноне умный, не по годам».

«Помню, как повелась у Васи «белезна» — увлекся книгами. Всегда у него за ремнем была книга. Читал без разбора, подряд. Читал и по ночам: керосину нальет, в картошку фитилек вставит, одеялом закроется и почитывает. Однажды одеяло прожег. Стал неважно учиться, а тогда строго-настрого запретила читать. Так нет — стал из школьного шкапа брать тайно от меня, конечно. Ох и помялась я с ним, не знала уж, что и делать дальше, как отвести от этого чтения-то!»

Частенько мне говорили: «Ну что ты, Мария, генерала, что ль, хочешь вырастить из него?». «Выше», — отшучивалась. Но сердцем чуяла: генералом не генералом, а человеком сын будет...

А раз был такой случай, это уже когда «Печки-лапочки» снимали. Вася за мной специально на «Волге» приезжал: «Поедем, мама, посмотришь, как кино делается». Я отнекивалась, на хозяйство ссылалась. Теперь-то уразумела, зачем он хотел меня вести — для фильма надо было. Вот сказал бы тогда, дите мое милое, что к чему — я бы все бросила и поехала за ним! А он не знал, видно, с какого бока ко мне полойти. И только когда они вернулись из Шульгина Лога, то Вася потихоньку, чтобы я не услышала, говорит Заболоцкому: «Вот, Толя, видишь — моя мама. Сними — для фильма нам пригодится...»

Что вы думаете — отснял, да как? Смех и грех об этом даже вспоминать-то. Сказал как-то Вася, что съемки заканчиваются и ребята просятся в гости: охота им Сростки наши поглядеть и как он живет. Устали, говорит, они у меня, мама: отдохнуть, прийти в себя перед дальней дорогой надо.

— Ох, сынок, — говорю, — да чем же я угощать-то их стану? Кроме картошки, что я им могу предложить?

— А что? Картошка — наипервейшая еда! Мы все на ней выросли. Да ты не расстраивайся шибко, мама, навари-ка в мундирах! Они люди простые...

Вечером поужинали. Посидели, поговорили. Вася, однако, на улице устроился спать, ну а остальные — кто где. Проснулася — петухи уже горланят вовсю над Сростками. Ну, думаю, заспалась я. Вот так беру полшалак-то, подвязываю. И вижу — за окном кто-то мельтеши, а кто — сразу-то узнать спросонья не могу. Потом поняла — Толя со своим аппаратом.

После, когда фильм вышел, звонит мне дочка Наташа:

— Мама, а «Печки-лапочки» только что посмотрела, так ты там есть, пласто подвязываешь...

И так и села на стул. Вспомнила все: и как Вася звал, и как Толя под окном колдовал, видно, караулил меня. Сходила в кино. Ну точно — я, кому же еще-то быть! Да, главное, чисто все получилось, будто на улице сымал.

Помню, стали гости собираться в Москву. Ждали, когда подойдет машина и увезет багаж на вокзал. Небо было ясным-яснехонько. И тут, как на грех, вылетела откуда-то страшная тучища! «Ох», — говорю, — сынок, не к добру она. Как бы града не вышло: все повыхлещет в огородах-то!»

Он остановился посреди двора. Посмотрел на цинковую крышу: «Все ничего, мама, да вот беда — громоотвода у тебя нет. Это плохо. Вишь, какие тучи бывают?» Он хватился было залезть на крышу, да лестницы нет. «Вы, ребята собирайтесь», — говорит он, — а я маме подсоблю». При-

В разные годы доводилось мне по тем или иным причинам довольно часто бывать в Бийске. И каждый раз, когда я подходил к дому, в котором жила мать Василия Шукшина — Мария Сергеевна, поднимался на второй этаж, то казалось, что сейчас вот широко распахнется дверь и сам Шукшин, как бывало, смерит меня своим каким-то особым — пристальным, изучающим — взглядом и скажет: «Ну как, земляк, жисть?» Но дверь открывалась как-то тихо, и меня встречали печально-скорбные глаза женщины небольшого роста в черном платье и в таком же черном траурном платке. И я с горем осознавал, что Василия Макаровича уже нет среди нас...

Здесь — в двухкомнатной квартире его матери все на-

минало о нем, все было пронизано теплой памятью. На стенах — портреты, картины. Отовсюду смотрят глаза Василия Макаровича, споркойно и дружелюбно. Одна из комнат полностью отведена сыну — под домашний музей: одежда, подарки, книги, газеты, журналы и множество фотографий. Слева, в уголке, столик, на котором, как в аптеке, лекарства. В основном сердечные да от головной боли.

Не помогают они, так я вот бодярку отпариваю... — поясняет Мария Сергеевна. — Не спится мне, мил человек, ночами-то: все думаю, думаю. Обложу вот так вот, обставляю себя со всех сторон портретами и гляжу на них и не нагнужу глазнышками-то. Ночи длинные, так что наговорюсь досыта. Два года минуло, как Васи-то

моего нет, а никак не спится он мне. Все снится, а он — нет. Иногда только и то чуть-чуть. Просто места себе в хорамах своих не нахожу. Благо, хоть люди у меня постоянно бывают, и мне как-то веселей становится с ними...

Такой вот и запомнилась мне Мария Сергеевна. Целиком была поглощена делами сына, памятью о нем. Нескольких раз перечитала она все написанное им, пересмотрела все фильмы, снятые и самим Василием Макаровичем, и с его участием. Кропотливо собирала мать все, что было написано о сыне, вела обширную переписку с почитателями его таланта...

Ровно десять лет назад, в морозное январское утро, Марии Сергеевны не стало. Похоронили ее на сельском кладбище в родных Сростках — именно там, где когда-

то завещал похоронить себя и Василий Макарович...

Незадолго до ее смерти группа работников творческого объединения «Летопись» со студии «Беларусьфильм» во главе с заслуженным деятелем искусств РСФСР и Белорусской ССР Анатолием Заболоцким (он работал с Шукшиным над фильмами «Печки-лапочки» и «Калина красная») успела отснять хроникально-документальный фильм «Слова матери». И оператор Олег Игнатьевский, и звукооператоры Герман Баско и Борис Шалгин, и монтажер Анна Можейко, и другие члены группы буквально на одном дыхании, всего за полтора месяца сделали эту картину. И теперь, как и ее сын Василий Макарович, Мария Сергеевна живет на киноэкране...

и книжечку читает, пока бригадир не покличет: «Ну, хлопцы, по коням!» И снова за работу.

Семь классов закончил. Надумали все дружки его поступать в Бийск, в автомобильный техникум. Словно сговорились сорванцы меж собой. Я против была и не хотела отпускать: кончай, говорю, сынок, десять классов. Так вот придут всей оравой и уговаривают, упрашивают меня. И Вася гоже просится: «Мам, поеду с ребятами?» Уговорили. Согласилась. В техникуме не доучился: не поглянулось ему там. Вернулся в Сростки, учился в школе и работал там же директором, а потом уехал: «Поеду поближе к Москве, буду пробиваться!»

НЕ часто вспоминаются теперь съемки фильма «Слова матери». Было это весной 1977 года в Бийске. Заболоцкий и Мария Сергеевна находились тогда на кухне, которая служила съемочной площадкой и была ярко освещена. Через стенку, в соседней комнате, — звукооператор. В проходе на кухню — кинооператор. Все молчали. Говорил только режиссер — Анатолий Заболоцкий. Он хорошо знал, как трудно снимать Марию Сергеевну. Когда молчат камеры, она ведет живой разговор, вспоминает даже мельчайшие подробности. Но стоит прозвучать команде: «Приготовились! Мотор!» — и сразу все куда-то теряется.

— Толя, сынок, давай завтра, а? Я все-все вспомню! — уговаривала она Заболоцкого.

— Да вы не волнуйтесь, Мария Сергеевна. Говорите все, как есть. О чем мы только что толковали?

Снова звучит команда, и снова молчит Мария Сергеевна. Тогда режиссер дал «отбой»!

— Ну хорошо! Уговорили-таки. Сдаюсь. На сегодня, ребята, все. Поговорим просто так...

И вот тут-то Мария Сергеевна разговорилась и даже не заметила, как заработала камера:

— В один из приездов домой Вася как-то целый день, помнится, провел в Бийске в колонии для несовершеннолетних. Пригласили его побеседовать с ними. Вася оттуда вернулся поздно и выглядел сильно расстроенным. Прилег на кровать. Курил папиросы одну за другой. Дым коромыслом стоял. Я спрашиваю: «Вась, что ж ты так расстраиваешься-то? Что-нибудь, поди, случилось?» «Если бы ты, мама, только знала», — отвечал он мне, — как жаль мне этих ребят. Ведь среди них хороших-то поболее, однако, чем плохих. И думаю я, ну почему они такими стали? Отчего? Видимо, из-за того, что потянулся мальчонка за поганым человеком и оступился, а если бы он пошел за добрым, то обязательно бы на правильную, честную дорогу вышел. Хочется, мама, или книгу написать об этом, или же фильм снять. Я со многими там беседовал, расспрашивал о жизни, о родителях. И вот расстроился окончательно...»

Я ему говорю: «Да будет, полно о них так переживать-то, Вася, ответьте они там все, да и только!» «Нет, мама, они пока еще не ответят! Ну как тебе объяснить», — он взял со стола пластилин и начал что-то лепить. — Они еще не такие пропащие, как мы думаем. Из них что угодно еще вылепить можно. Понимаешь?» Васе-то правда нужна была, а то иначе же как про жисть-то описывать?

...Какется мне, что в тот раз Заболоцкому удалось отснять поистине бесценные кадры. И я сделал тогда несколько фотоснимков на память.

...Позднее, когда был в Сростках, то в доме-музее Шукшина прочел записи, оставленную Заболоцким в книжке отзывов: «Клянусь красоте алтайской земли, помогавшей нам во время съемки фильма нашего могучего земляка Василия Макаровича Шукшина «Печки-лапочки»! Клянусь алтайским людям, обладающим врожденным чувством слова русского!»

Эти слова и мы могли бы повторить сегодня. Все, кто любит Василия Шукшина, кто в этом году отметит его шестидесятилетие вместе со всей страной. Наверное, многое будет написано в связи с этим. Но вот первое слово мне хотелось сказать о матери, подарившей России такого сына.

Виктор АШЕУЛОВ.

Белокуриха, Алтайский край.

Фото автора.

нес две жердины, топор, молоток, гвозди и принялся за работу. «Надо», — говорит, — лестницу тебе сделать, мама. Ведь громоотвод-то ставить все равно рано или поздно надо будет, так что без нее никак не обойтись».

А тут вскоре и машина подрулила к дому. Сигналят ему, а он все: «Сейчас мы, сейчас!» Уж такой он был неутомимый, дите мое милое. Если возьмется за что, то до конца непременно доделает.

Я говорю:

— Ладно, сынок, бог с ней, с лестницей, без нее как-нибудь обойдусь.

— Нет, что ты, мама, без нее как раз и нельзя. Вот уезжаю, а сердце у меня болит за тебя: как же без громоотвода-то?

Вскоре лестница была готова. Вася поставил ее, поднял на крышу... А шофер знай себе сигналит. Я говорю:

— Ладно, Вася, спасибо, сынок! Ребята тебя ждали. Езжай с богом!

Он направился было к калитке, да эдак остановился, посмотрел на нашу баньку, веранду, которые он сам своими руками построил, и сказал:

— Поаккуратней будь, мама! Береги себя!

Подожел, обнял и расцеловал меня в обе щеки. Вот так мы с ним расстались. Не знала я, что это последняя встреча — никуда бы не отпустила его тогда от себя...

об крестьянской жизни, и кино, значит, сымет хорошее.

Пять пятерок получил он на вступительных экзаменах. Институт кончил, стал сниматься в фильмах. А как только деньги появились, стал мне и Наташе подсоблять.

— Да милый ты мой, — пишем ему, — тебе они самому боле нужны. Зачем нам-то пересылать?

А он в ответ: «Мне, мама, ничего не надо, а ты еще долго помогать мне будешь».

Помню, как Мария Сергеевна показала мне несколько исписанных листков: «Почитай, это Василины письма!» Вот одно из них:

«Здравствуй, мама! Получил 200 рублей, посылочку (вторую) и письмо. Мама, так что это ты делаешь? Купила пальто. Милая моя, ведь я бы с таким же успехом проходил в шинели осень и весну. Получаю посылочку, опять как маленький вагончик. Что же, думаю, она сюда умудрилась еще-то положить. Развертываю, там новехонькое пальто. Вот тебе раз! Мама, ты где деньги-то берешь? Пальто мне как раз. Но я пока носить его не буду. Вот дотаскаю шинель, а там уж... Сегодня получил твое письмо с фотографией. Мама, ты как будто немного похудела. Милая моя, напиши честно — как живешь? Как питаешься? У меня в этом отношении все в порядке. Денег хватает через глаза. Насчет валенок. Да, мама, придется, наверное, выслать. Это верно ты говоришь: «Москва-то Москвой, а зима — зимой».

А вот другое письмо:

«Живу очень интересно, мама. Очень доволен своим положением. Спасибо тебе за все, родная моя. Ус-

пехи в учебе отличные. У нас не как в других институтах — т. е. о результатах обучения известно сразу. Ну вот пока и все. Итак, мама, повторю, что я всем решительно обеспечен. Недавно у нас на курсе был опрос, кто у кого родители... У всех почти писатели, артисты, ответственные работники и т. д., доходит очередь до меня. Спрашивают: кто из родителей есть? Отвечаю: мать. Образование у нее какое? Два класса, отвечаю. Но понимает она у меня не менее министра. Смеются. Ну, будь здорова, милая. Твой Василий».

Помню, подростком шибко любил ездить Вася на конях, — вспоминается мне вновь материнское слово. — Присился в ездовые. Не брали — мал. Он тут же ко мне: мама, говорит, ты попроси Ну я к бригадире. Он упирался, конечно. Кто, говорит, воду-то ему станет в бочки наливать? Я говорю: он сам по полведерка нальет. Упростила-таки бригадира, а Вася рад-радехонек!

Любили его мужики, правда, любил. Вот есть у него рассказ «Дядя Ермолай». Это бригадир такой был у нас в Сростках. Вася даже ни фамилии, ни имени его не переменял. Помню, начали сено возить. Я и говорю: «Ермолай Григорьевич, возьми, бога ради, моего Васю-то конны возить на волокушах. Все хонь маленько да подработает». А он: «Я бы взял, мне-то что, да беда — ножонок-то у него не хватит, чтобы коню спину обнять».

Взяли все же. Вот поедет он в поле и книжечку непременно прихватит с собой — затолкает под рубашку — для маскировки, значит. На перекуре все коней отпустят и — кто конянику собирать, кто пучки рвет. А Вася сядет